

Привет, друзья! Поэта скрапный дар
Пришлите как награду за терпенье.
На сих листах горит большой пожар
И льются слезы горького смиренья.

Здесь все смешалось: ветер гордых скал,
Морской прибой и пыльная дорога.

И лишь осталось заплатить немного
И дверь открыть в чудесный мир зеркал.

Дмитрий Хмурый (Руденко)

Дмитрий Руденко

Золотая рыбка

Дмитрий Александрович Руденко

Золотая рыбка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66581478

SelfPub; 2021

Аннотация

С первых же строк это произведение заставило меня забыть обо всех неотложных делах, сознание отступило, и я погрузился в «чудесный мир зеркал», как называет его сам Дмитрий. И, честно говоря, до сих пор оттуда не выбрался, хотя с момента прочтения прошло уже более трех месяцев. За основу поэмы взята «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина, но для меня после прочтения поэмы Дмитрия уже не существует жадной старухи, все стало гораздо сложнее. Это не старик поймал золотую рыбку, это она поймала его. Зеркала здесь—это волны, ветер, чайки, скалы, солнце и т.д. Все они союзники загадочной морской силы, которая поиграла с человеком и оставила его у разбитого корыта. Очень глубокое психологическое произведение с потрясающим описанием природы. Но у Дмитрия по-другому не бывает. Для него стихи—это молитва. Желаю вам приятного прочтения и будьте осторожны. Золотая рыбка может быть опасна для людей с неустойчивой психикой. Александр Новгородцев

Содержание

Пролог	4
I	6
II	15
III	20
IV	28
V	37
VI	42
VII	52
VIII	57
Эпилог	65

Дмитрий Руденко

Золотая рыбка

Пролог

Жил старик со старухой седой
У самого синего моря.
Жил как мог, все боролся с нуждой
И не ведал особо горя.

Невод по морю тихо тянул,
Не жалея ни рук, ни лица.
Рыбку вялил, в воде не тонул
И все ждал своего конца.

Жизнь прошла. Пролетели года,
Думы тяжкие подступали.
Как же будет старуха одна?
Видно, высохнет от печали

В ветхой хижине здесь, у воды,
С чайкой белою по соседству?
Ни для радости, ни для беды
Не оставит он ей наследства.

Соль морская была порукой —
Счастье поровну, как и горе.
Так и жил со своей старухой
Наш старик у синего моря.

I

Раз закинул он невод в море.
Тянет, вытянул, вот беда.
Видно, мало хлебнул он горя.
Там внутри лишь одна вода.

Он в другой раз надежду ловит,
Все сжимает сильней кулак.
Не ругается, не злословит,
Но судьбу не сломить никак.

Невод, полный морской травой,
Стойко вытянул, не спешил.
И с поникшею головою
Уж домой повернуть решил.

Не оценится труд напрасный.
Ровно дышит морская даль.
Солнце красное светит ясно,
А в душе теперь все печаль.

Чайки белые над водою,
Невод сохнет на берегу,
И, играя, волна с волною,
Улыбаются рыбаку.

День чудесный, но, видно,
Лихо дно морское взялось мутить.
А не море так тихо, тихо,
Что не хочется уходить.

В третий раз он волну тревожит,
Невод тянет с морского дна.
Зорко смотрит и видит: Боже!
Рыбка малая в нем одна.

В сети старые заплутала,
Не желая такой венец.
Билась, мучилась и устала,
И запуталась под конец.

* * *

Вот оно – колесо фортуны:
Чуть закружит, и не уйдешь.
Лишь слегка задевает струны,
А уже пробивает дрожь.

Рыбка золотом вся сверкает:
Хвост, бока и по всей спине.
И рыбацкое сердце тает

На такой дорогой волне.

Вот так невидаль, вот так диво —
Вся из золота, просто ах!
Рыбка смотрится так красиво
В загорелых морских сетях.

Мысли резвые разбежались
От продажи до кабака.
Только чайки уже смеялись
Над удачею рыбака.

Тихо на море, по соседству
Никого, лишь вдали баркас.
Нежно, бережно, как невесту,
Хочет спрятать ее он с глаз.

Рыбку скрыть поскорее надо,
Не случилось бы вдруг чего.
Только странным каким-то взглядом
Все глядит она на него.

* * *

Может, так и творится слово:
Соль за соль, за слезу слеза.

Словно в душу со дна морского
Проникают ее глаза.

Но старик все удачей дышит,
Сети тянет, рука дрожит.
Только чудится: вдруг он слышит —
Рыбка голосом говорит:

«Отпусти меня в море, старче.
Откуп дам я тебе за то.
Свет полуденный станет ярче,
Словно в обруче золотом.

Новый мир без забот узнаешь,
Где бы смог ты покой найти.
Все исполню, что пожелаешь,
Только смилуйся, отпусти».

Словно шепотом говорила.
И какой же чудной язык!
Слово тихое оглушило,
Тут на камень и сел старик.

Тридцать лет он волну тревожит
И три года еще к тому.
Только вспомнить никак не может,
Чтобы рыба могла ему

Звуки молвить да так исправно.

Не бывало таких чудес,
А чтоб слово... так и подавно.
Рыбы молча идут на крест.

Что тут сделаешь? Случай редкий.
Диво дивное, голова
Закружилась, и как из клетки
Так и вырвались те слова:

«Что ты, милая, бог с тобою,
Откуп этот не нужен твой.
Пусть укроет тебя волною,
Возвращайся в свой дом родной.

Береги себя на рассвете,
Не балуй на закате дня.
Помни крепко, что впредь из сети
Уж не вытащить мне тебя».

И, достав из сетей удачу,
Пальцы цепкие разомкнул,
Светлым махом решил задачу.
Только свет в глубине блеснул,

Только волны пошли по кругу,
В новый мир закрывая дверь.
Отпустил он свою подругу,
Дело сделано. Что ж теперь?

Не расскажешь кому другому —
Как с удачей да на мели.
А дорога тянулась к дому,
Ноги сами по ней брели.

* * *

Так и плыть бы за тихой песней,
Отгоняя тоску-печаль.
Что еще может быть чудесней,
Чем вечернего моря даль?

Дышит ровно, волной играет,
Чуть покачивает бока
И усталое солнце тает,
Луч пуская за облака.

Долго старая шла дорога,
Мысли путались, чаек крик
Все тревожил, и у порога
Вдруг опомнился наш старик.

Одиноко стоит избушка
В тихой гавани у воды.
На пороге сидит старушка,
Рядом клумба, на ней – цветы,

Кот играет, все открыто,
Свет вечерний скользит в окно.
Перед нею лежит корыто,
Прохудившееся давно.

Рассказал он своей супруге
Все как есть, ничего не скрыл:
Как дрожали от счастья руки
И как с рыбкою говорил.

Объяснение – хлеб несладкий.
Так однажды задумал бог.
Как расскажешь, что путь негладкий?
Тяжелей, чем пустой мешок

Брэнной ноши не находилось
Вплоть до самых волос седых.
Да и так уж у них водилось —
Правду поровну на двоих.

Долго молча она внимала,
Хлеб сжимая в своих руках,
И, дослушав, затем сказала:
«Дурачина ты, просто ах!

Дурачина ты, простофиля.
Зря потрачено столько сил!
Потом дышит морская миля.

Хоть корыто бы попросил.

Убежал от своей удачи,
Видно, создан ты, чтоб бежать.
Простофиля ты, как иначе,
Как иначе тебя назвать?»

Слово едкое отпустила,
Словно камень с души сняла.
Старика как иглой пронзило,
Откровенной была игла.

Правда режет, вода стекает,
Сердце ноет, душа болит.
Только кот во дворе играет
И не ведает, что творит.

Омрачается день прекрасный
Станным ветром с морского дна.
Что тут делать, холера ясна?
Чашу нужно испить до дна:

Рыбке с берега поклониться,
Бить челом на закате дня,
Пусть волна донесет, как птица,
Просьбу малую от меня.

И простившись с женою взглядом,
К морю снова он держит путь.

Обернуться до ночи надо,
Но а там уже как-нибудь.

II

К морю синему он подходит.
Легкий бриз тербит волну.
Словно песню свою заводит,
Чуть под вечер качнув струну.

Тает солнце под небесами,
Белый свет унося с собой.
И под алыми парусами
Чья-то лодка спешит домой.

Стал он звать золотую рыбку.
Волны шепчут ему слегка.
Словно прячут свою улыбку
От забавного рыбака.

Словно дразнит морская сила,
Заставляя светиться ярче.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Отвечает старик с поклоном:
«Смилуйся, государыня рыбка, —
И несут колокольным звоном
Волны просьбу его. – Тут ошибка

Эта малая вдруг объявилась.
Не дает старику мне покоя.
Так старуха моя разбранилась,
Хочет баба корыто другое,
Наше, знаешь, совсем прохудилось».

«Не печалься, ступай себе с богом, —
Отвечает ему она. —
Возле хижины, у порога,
Там, где часто сидит жена,

Ты отыщешь свое корыто.
Там на камне лежит оно.
Только пылью слегка покрыто,
Уж тебя заждалось давно».

* * *

Тихим словом замороженный
Снова к дому идет рыбак.
Ему чудится ковш бездонный.
Да и как же возможно так,

Что еще не назвав и слово,
Уж готов для него ответ?

Может, правда со дна морского
Видно лучше весь белый свет?

Вечер тихую гавань прячет
От серьезных дневных забот.
Да и может ли быть иначе?
Каждой пристани свой черед.

Уже смотрит ночная птица,
Шорох слышится под скалой.
И холодные небылицы
Уж витают над головой.

К дому тихо старик подходит.
На пороге сидит жена
И с корыта все глаз не сводит,
Видно, сильно удивлена.

Тусклый свет по крыльцу стекает,
Стихли звуки, молчат слова.
И, считая шаги, вступает
Ночь в земные свои права.

Две минуты она молчала —
Миг загадочной тишины.
Лишь слегка головой качала
И смотрела все вдоль стены.

Но, едва утоливши жажду,

Время тихой воды прошло.
Как кончается все однажды.
И поехало, и пошло:

«Простофиля ты, дурачина, —
Как заладила, просто ах! —
Есть хотя бы одна причина,
Чтоб тебя называть не так?

За корытом ходил он, дабы
В дом родной принести уют.
Посмотри, как смеются жабы,
Все которые тут живут.

Чудо выпросил робким словом —
В дом корыто, и нет нужды!
Только может ли зваться домом
Эта хижина у воды?

Тридцать лет я в лачуге маюсь —
Все от мужниных от щедрот.
Руки ломит, вот-вот сломаюсь,
Соль и море. Но только вот

Догорает моя лучина,
А в избе я и не жила.
Простофиля ты, дурачина».
Повернулась и в дом пошла.

* * *

Словно громом замороженный
У порога стоит рыбак.
Ему чудиться мрак бездонный
Там, где был лишь вечерний мрак.

Лунный свет покрывает дюны,
Ветер стих, не шумит уже.
Лишь одно колесо фортуны
Крутит иглами по душе.

Слишком многое ей досталось,
Дар полученный не отнять.
Сколько ж в чаше еще осталось?
Не допил он ее, видать.

Свет лучины в окошке тлеет,
День закончился, сил уж нет.
Утро вечера мудренее,
Завтра к рыбке идти чуть свет.

III

Вот и утро волной играет,
Ветер злится, нахмуря бровь,
Небо серое посылает
Нам большую свою любовь.

Солнце спрятали, будут грозы,
Видно, все для него всерьез.
И, конечно, готовит слезы —
Не бывает любви без слез.

К морю синему он подходит.
Помутилось оно слегка,
Туча серая глаз не сводит —
Смотрит прямо на старика.

Каждый шаг отдает надеждой.
Что скрывает морское дно?
Ветер треплет его одежды
Все просоленные давно.

Вновь он рыбку зовет из моря.
Голос катится по волне,
Словно камень скользит и вскоре
Тонет где-то на глубине.

И проснулась морская сила,
Видно свет из воды все ярче.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка, —
Море словно щетиной встречает
Робкий голос его. – Дюже шибко

Мне досталось теперь от старухи.
Не дает старику мне покоя.
Уж совсем опускаются руки.
То подай ей корыто другое,
То теперь, вот, избу пожелала.
Наша, знаешь, совсем обветшала».

«Не печалься, ступай себе с богом, —
Отвечает ему она. —
Пусть тебя приведет дорога
В новый дом, где твоя жена

Уже ждет тебя у порога.
Ты ступай, да не упади.
Поспешай, она смотрит строго —
Заждалась уж тебя, поди».

Ну дела! Чудеса творятся
Тихим словом на дне морском.
Как бы только не потеряться
В этом омуте золотом.

И опять, как в минувший вечер,
Он бредет, словно как чумной.
Все не может привыкнуть к встрече
С этой силою неземной.

Словно дремлет и все гадает:
За заслуги ли, за грехи?
А дорога опять петляет,
Нарезает свои круги.

Вот и гавань волной встречает —
Пристань долгих минувших лет.
Шум прибоя и крики чаек,
Где встречал он закат, рассвет.

Где, воркуя, два сердца грелись
И горел у стены очаг.
Где рыбацкие дни вертелись
Между лямками на плечах.

Где, прощаясь, друг друга ждали,
Ночью – отдых, заботы – днем.
И где медленно догорали
Две свечи в шалаше своем.

Одиноко поет кукушка,
Хлеб не требуя за труды.
Там, где раньше была избушка,
В тихой пристани у воды

Дом поставлен, да со светелкой,
Да с беленой печной трубой.
Тут скамейка стоит под елкой,
Там – беседка и, боже мой,

Все по кругу забор кленовый,
Чтобы мимо прошла беда.
А у входа колодец новый
И дубовые ворота.

* * *

Может, в море оставил душу
Или сбился в конце пути?
Все он ищет свою избушку,

Да не может никак найти.

Ай, да рыбка! Но как возможно
Все такое тверезым днем?
И растерянно, осторожно
Озирается он кругом.

Все по-новому, без остатка,
Всюду чувствуется рука
Здесь хозяйская. Лишь загадка
Все тревожит еще пока.

Проявил ли господь участие
Иль смеется над стариком,
Что свалилось такое счастье,
Хоть бери да черпай ковшом?

Но загадка на солнце тает.
Что в ней толку? И наш рыбак,
Как ребенок, дары вкушает
Словно сладости натошак.

Все доволен единым хлебом,
Снова кружится голова.
Только вдруг, словно гром под небом,
Долетают к нему слова:

«Что, доволен ты, дурачина,
Полон досыта или нет?»

Только стоила ли овчина
Этой выделки? Сколько лет,

Сколько бед покрывалось солью?
Лямка эта, что рыбий хвост,
Перемешана с потом, с болью.
Как же ты безнадежно прост!

Как же в жизни не понимаешь
Самых главных простых вещей!
Только тянешь и причитаешь,
Да хлебаешь соленых щей.

Отправляйся-ка к морю в спешке,
Бей челом в золотой плавник.
Не хочу я терпеть насмешки
Те, к которым ты так привык.

Не хочу я влачить крестьянкой
Дни морские за упокой.
А хочу быть теперь дворянкой,
Я дворянкою столбовой».

Ухватила за ручку двери,
Слезы, словно ручьи, из глаз.
Он стоит и ушам не верит.
Что ответишь на этот сказ?

Он молчит, а она рыдает,

Слезы женские, словно вой.
Только ветер волну гоняет,
Как сорвавшийся пес цепной.

* * *

Долго, коротко ли тянулся
Этой горькой воды излом?
Все кончается. Встрепенулся
Наш старик. Говорить о том,

Что в душе оставляет раны,
Сходу так бы не каждый смог.
И поэтому часто рано
Мы пускаемся за порог.

И по свету идут дороги,
Словно серые нити вдаль.
И куда-то шагают ноги,
Отмеряя по ним печаль.

Может, так не по воле нашей
Долго тянется эта нить?
Только где это дно у чаши
Той, которую нужно пить?

И какие простые вещи
Нужно как-то еще понять.
Кто их знает? Но волны плещут,
Завтра к рыбке идти опять.

IV

Снова старче к синему морю
Шаг отмеривает земной,
Поспешает и видит вскоре,
Как играет волна с волной.

Как пастух, погоняя стадо,
Ветер к берегу их ведет.
Им разбиться о камни надо,
Ничего уже не спасет.

Неспокойная даль тревожит,
Тучи тянутся все плотней.
Ничего уже не поможет,
Коль польется со всех щелей,

Уж не спрятаться. Только малость
Остается среди камней —
Сколько б времени не осталось,
Нужно дело вершить скорей.

* * *

Стал он кликать златую рыбку,
Звуки словно в трясине тонут.
Под ногами вдруг стало зыбко,
Попадаешь как будто в омут.

Вновь резвится морская сила,
Снова свет из воды все ярче.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка, —
Волны шумно его величают,
В глубине словно манит улыбка,

Поднимаясь из самого дна. —
Снова нет старику мне покоя.
Уж совсем одолела жена.
Как ей вынести счастье такое?

Уж не хочет она быть крестьянкой,
Жизнь соленая ценится в грош.
Только хочет теперь быть дворянкой,
Прям взбесилась. Хоть вынь да положь».

«Не печалься, ступай себе с богом, —
Отвечает ему она. —
Не суди ее очень строго.
Пусть получит твоя жена

То, к чему так душой стремится.
Да не будь ты, как столб, угрюм.
Дно – для рыб, небеса – для птицы,
А дорога – для всяких дум».

* * *

Слово тихое улетело
Чайкой белою над волной.
Пусть получит, чего хотела.
В том ли счастье? Свой путь земной

Мы отмериваем шагами,
Оставляя вокруг следы.
И куются под небесами
Грешной воли людской плоды.

Не иначе, таков порядок,
Нет иного пути у нас.
Так начертано. Хлеб несладок,
Да и лучше платить сейчас.

Только каждый ли свой вкушает
Этот хлеб, что всегда горчит?
Лишь дорога об этом знает

Да секреты свои хранит.

* * *

По дороге свой крест соленый
Старче снова домой несет.
Ветер, словно иглой каленой,
Струны дергает и поет.

Заунывную песню тянет,
Между скал выбирая такт.
«Может, сердце ее отгадет?» —
Все надеется наш рыбац.

Тучи жмутся, вот-вот польется
Горечь слезная, словно ком.
Перемелется все, притрется
И промоется под дождем.

Слезы теплой водой живую
Пыль житейскую унесут.
И отмеченные любовью
Корни старые расцветут.

Так он думал. Хлебнула горя,
Жизнь соленая не цветы.

Только где этот дом у моря,
В тихой гавани у воды?

* * *

Видит старче: высокий терем
Вместо дома теперь стоит.
У подъезда красивый мерин,
Сбруя новая, аж блестит.

Двор широкий, забор высокий,
Гуси нежатся у пруда.
А колодец такой глубокий,
Видно, вкусная в нем вода.

Глаз слуги в приоткрытых дверцах
Здесь усердно глядит тайком,
Спину гнет и с собачим сердцем
Охраняет господский дом.

На веранде сидит старуха,
Тянет сладкое житие.
Долгой, видно, была разлука,
Он с трудом узнает ее.

Меха соболя душегрейка

Обрамляет большую статью.
Взгляд суровый, а ну посмей-ка
Что-то дерзкое ей сказать.

Жемчуга огрузили шею,
Перстни золотом на руках.
Все здесь стелются перед нею,
Откликаясь на каждый взмах.

Она бьет, за чупрун их тянет,
Жажду, видно, имея в том.
То погонит, а то поманит,
Чтоб добавить еще кнутом.

Все заказанное свершилось.
Стал он спрашивать через дверь:
«Что ж, довольна ли, ваша милость,
Светла душенька, ты теперь?»

Но в ответ бранный крик скатился,
Потревожилась, видно, статья.
И тотчас же приказ родился —
На конюшню его послать.

А затем, онемев от боли,
Он не прятал свое лицо
И стоял пред господской волей,
Все глазами искал кольцо

Обручальное, что когда-то
Надевал он на палец ей.
Но тащили его куда-то
Сквозь распахнутый ряд дверей.

* * *

Все заказанное свершилось,
Не обходится без потерь.
Так давно на Руси водилось,
Что кому-то идти за дверь.

Так бывает, когда делиться
Предстоит, а сума одна.
Там журавль, а тут – синица,
Как подарок с морского дна.

Там журавль, а тут – синица
Чаши дергают на весах.
Неизвестность в душе томится
За дверьми о семи замках.

Боль начнется, как наводнение,
Все затопит, лишает сна.
От нее лишь одно спасенье —
Верь, закончится и она.

Все кончается. День дождливый
Веки сонные опустил.
Наш старик, словно конь ретивый,
Все куда-то скакать спешил.

Но уздечка господской воли
Помогает от суеты.
Как лекарство от всякой боли —
От сомнений и пустоты.

Наконец в темноте застрявший,
Взявший много, да все одно,
Он заснул, как птенец уставший,
Потерявший свое гнездо.

Все заказанное свершилось
Тихим словом глубоких вод.
Чудо-чудное сотворилось,
Но надежда еще живет.

Слезы теплые лечат горе,
Разбавляют водой его.
Успокоится даже море,
Коли сыщется для чего.

Воды старые перельются
В русло новой реки. И вот,
Тучи хмурые разойдутся.

Каждой пристани свой черед.

V

Вот неделя-другая проходит,
Как и прежде встает заря,
Солнце также по небу ходит,
Видно, верит, что все не зря.

Все тепло отдает надежде,
Догорая идет ко сну.
Все по-старому, как и прежде,
Ветер гонит свою волну.

Как и прежде, седые скалы
Охраняют земной покой.
И под вечер пастух усталый
Гонит стадо свое домой.

Здесь, в ущелье, не разгуляться
Ветру, царство его во вне.
Можно запросто потеряться
В этой сказочной тишине.

Вновь под вечер сова проснется,
Заяц спрячется под кустом.
Лишь старухе одной нейдет,
Не находит себя ни в чем.

И, проснувшись в глубокой ночи,
Мужа вызвала в свой покой.
И предстал он пред ясны очи
С непокрытою головой.

Ветер ветви сосны колышет,
Тени двигая вдоль крыльца.
Он стоит и неровно дышит,
Нет на пальце ее кольца.

Губы женские слух тревожат,
Не жалеют хозяйских фраз.
Он стоит и понять не может:
Может, снится ему сейчас?

Слово властное каменеет,
Опуская свою печать.
Он стоит и ушам не верит —
Утром к морю идти опять.

Рыбке заново поклониться,
Постучаться в морскую дверь.
Что, мол, хочет жена царицей
Вольной в этой земле теперь

Быть и, видно, к тому созрела
Этой ночью среди теней.
«Что ты, баба, совсем сдурела? —

Так и вырвалось из груди.

Иль ты впрямь белены объелась,
Иль напилась соленых вод,
Иль на старости захотелось
Посмешить весь честной народ?

Ни ступить, ни сказать не можешь.
Лишь представь, как откроешь рот,
Только глупостью растревожишь,
И молва о тебе пойдет».

Но безумство хозяйской воли
Жжет пощечиной на щеке.
Он стоит и не чует боли.
Лишь надежда на волоске

Каплей малою подвисает,
Чуть коснешься, и упадет.
Вновь старуха с судьбой играет,
Не боится глубоких вод.

«Как посмел ты, мужик, перечить
Мне, хозяйке своей живой?
Как посмел ты такие речи
Пред дворянкою столбовой

Здесь вести? Не пойдешь ногами
К рыбке сам на своей волне,

Не взыщи, поведут кнутами
Вдоль боков да по всей спине».

* * *

Как тут быть? Поступить нелепо,
Гордым нравом отбросить плеть?
Послушание – это скрепа.
Завещал нам господь терпеть

Для того, чтоб по вере каждый,
Каждый смог на земле сыскать
Тот родник, что умерит жажду.
И не стоит ему мешать.

В темноте иль под небом чистым,
Светлый взор устремляя в даль,
Путь прокладывая тернистый,
Все мы ищем свою печаль

Или радость. Что как придется,
В каждом поле своя трава.
Это как-нибудь назовется,
Подберутся потом слова.

А сейчас лишь дорога знает

Все отметины на пути.
Снова ветер сосну качает,
Значит, к морю опять идти.

VI

Снова старче к синему морю
По проторенной колее
Шаг отмеривает. И вскоре
Видит, как на большой волне

Щепки малые трут усталость.
Видно, в срок не нашлась земля.
Это все, что теперь осталось
От разбитого корабля.

Почернело вокруг, и пена,
Как вода на углях, шипит.
Ветер воеет самозабвенно,
Не теряя свой гордый вид,

И со дна зачерпнувши глупость,
Волны крепость свою берут,
И разбившись о неприступность,
Дань последнюю отдают.

Стал он звать золотую рыбку.
Словно рана, теперь душа,
Ищет бедная, где ошибку
Совершила и, чуть дыша,

Ожидает морскую силу.
Вот и свет из воды все ярче.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка.
Серым камнем теперь уж печали
Давят душу мою, и улыбка

Где-то в прошлом давно затерялась.
На плечах, как на сердце свинец.
Переполненной вдруг оказалась
Эта жизнь под счастливый конец.

Что мне делать с проклятою бабой?
Кто она мне – хозяйка, жена?
Все боюсь я и думаю, как бы
Не свихнулась от счастья она.

Нет, такой не была она ране,
Когда радостно шла под венец.
Но, видать, от соленой тарани
Взбеленилась она под конец.

И не хочет уже примириться
С тем, что есть, и спокойно дожить.
А желает теперь вот царицей

Вольной здесь, возле моря, быть».

«Не печалься, ступай себе с богом, —
Отвечает ему она. —

В каждом сердце своя тревога,
Лишь на небе луна одна.

Пусть исполнится, что желает
Сердце бедной жены твоей.
Что же дальше, лишь ветер знает
Да тропинка среди камней».

* * *

Все так просто, хвостом махнула
И опять в глубину ушла.
Лишь спиной золотой мелькнула,
И сокрыла ее волна.

Только слово ее осталось
Просьбу малую довершить.
С буйным ветром скала шепталась —
Пусть свершится, тому и быть.

Уж не раз чудеса выдавший
Наш старик от соленых вод,

Словно пес на цепи, уставший,
По дороге домой бредет.

Уж не думает, не гадает,
Голова, как пустой сосуд.
Ноги сами дорогу знают
И спокойно себе идут.

Словно все позабылось, ветер
Думы тяжкие вдаль унес.
Ничего уже в целом свете
Не тревожит его всерьез.

По привычке слюну глотает,
Рукавом вытирает пот.
А дорога как не петляет
Снова к дому его ведет.

Камни, словно былые даты.
Вот и гавань, замедлив шаг,
Видит старче, стоят палаты,
Видно, царские. На воротах

Ручки золотом все покрыты,
Стража грозная там и тут.
Топоры на плечах, сердито
Тело важное стерегут.

Здесь она посреди веселья

Ближний свой обмеряет круг.
Видно, празднует новоселье
Да серьезно глядит вокруг.

Вот боярин вино подносит,
А она вся сидит в мехах.
Тот нагнется, тот что-то спросит
С тайной сладостью на губах.

Разливают вино, пенятся
Чаши полные до краев.
А дворяне вокруг теснятся
Да не сводят очей с нее.

И случай на кого не глянет,
Холод трепетный раздает.
Да печатный медовый пряник
С важным видом в уста кладет.

* * *

Он все ближе подходит. Вольно
Только ветер поет, шельмец,
Словно дразнит. «Теперь довольна,
Царска душенька, наконец»? —

Вдруг он крикнул. И ветер ахнул,
Слово резвое подхватил,
Словно обухом, да с размаху
Так на головы и спустил.

И посыпалось, покатилося —
Весь затрясся пчелиный рой.
Может, к счастью так вершилось,
А, быть может, за упокой?

Топоры замелькали, трется
Сталь булатная у ворот.
Не щадя живота, смеется
Православный честной народ.

И за шею его, и руку
Заломили за воротник.
Поделом тебе, впредь науку
Ты запомнишь, чудной старик.

Словно пса от крыльца погнали,
В сани царские сунул нос.
И каменья во след кидали,
Еле ноги от них унес.

* * *

Вот оно колесо фортуны —
Тонкий тянется волосок.
Много бед повидали дюны.
Сколько слез утекло в песок?

Нет ни дома теперь, ни кровя,
Топоры охраняют дверь.
Кто на улице, кто в хоромах.
И куда же идти теперь?

Ночь холодная, боль потери
Грудь усталую теребит.
Неприступными стали двери,
Но надежда еще дрожит.

Еще теплится лист последний
На холодном ночном ветру.
Но навязчивый призрак бледный
Уже бродит с косою вокруг.

Тело мерзнет, в былые годы
Все бы снес да начал с нуля,
Но кончается миг свободы,
Словно манит к себе земля.

Да нейдется, землей холодной
Тело зябкое не укрыть.
Все не так, и, как пес голодный,
На луну так и тянет выть.

Но она только тень от света
Все бледнеется да молчит.
И холодным немым ответом
Не согреет тебя в ночи.

Легкий бриз колыбель качает,
Чтоб страницу перевернуть.
Наш старик все слезу роняет
Да не может никак уснуть.

Лишь под утро дрожать уставший,
С воспаленною головой,
Одинокий, почти пропавший
Засыпает он под скалой.

Ветер стих, колыбель ночная
Пухом каменным трет бока.
Отступает печаль земная
И не может уже рука

Лишний раз шевелить усталость —
Все движения на потом.
Сил совсем уже не осталось.

Все пустое теперь кругом.

* * *

Так подумать, простая шалость —
Щедрость царская от крыльца.
Лишь осталась такая малость —
Донести ее до конца.

Может, так небеса смеются,
Не жалея своих морщин.
И несчастные души рвутся
От неведомых им причин.

Говорят, что единым словом
Соткан мир и в творенья час
Вольный дух заложил основы,
Не спросивши об этом нас.

Завещая свободно верить,
Боль сносить и терпеть, любя.
И когда-нибудь эти двери
Вновь откроются для тебя.

Кто же знает? Отец небесный
Тайны строго хранит от нас.

Время тает, и мир чудесный
Просто так ничего не даст.

Не откажется от соблазна
Вас запутать и извести.
Лишь одно неизменно ясно —
Нет ответа на полпути.

Ночь усталую гавань прячет
От серьезных дневных забот.
Спи спокойно, забытый старче,
Пусть надежда твоя живет.

VII

Вот неделя, другая проходит,
Все вращается шар земной.
Солнце также по небу ходит,
Делит время свое с луной.

Гладь морскую опять трепает
Ветер, словно ямщик хмельной.
И рассвет по утрам встречает
Чайка белая над волной.

Как и прежде, седые скалы
Молчаливый покой хранят
Тихой гавани покрывало
Уже много веков подряд.

Тонет в сумерках день усталый,
Утомленный игрой волны.
Все на свете берет начало,
Как и прежде, из тишины.

Ночь владенья свои укроет,
Мысли хмурые приютит.
Ничего уж не беспокоит,
Словно малый ребенок, спит

Наш старик под покровом тени
У корней вековой сосны.
Далеко от дневных смятений
Улетели ночные сны.

Наконец-то нашел забвеньё,
Словно камень на глубине.
Но уже началось волненье
В этой сказочной тишине.

В эту ночь в покрывале лени,
В тишине дорогих палат,
Вдруг проснувшись в большом смятенье
И надевши ночной халат,

Словно пьяная баловница,
Позабыв про большую стать,
Взбунтовалась гроза-царица —
Срочно мужа велит сыскать.

Заметались дворцовы слуги,
Не осмелясь перечить ей,
Тянут копыя, хватают луки
И седлают гнедых коней.

Суеются холопы души.
Фонари, беготня, и вот —
Снова старче, едва проснувшись,

Пред царицею предстает.

Беспокойно закрылись двери,
Их оставив наедине.
Видно, быстро плоды созрели,
Ночь свидетель. И как во сне

Снова слышит он речь стальную,
Словно тайну глубоких вод,
И в открытую ночь глухую
Слово царственное течет:

«Отправляйся поутру к рыбке,
Бей челом на рассвете к ней.
Не хочу я в сем мире зыбком
Волочить свой остаток дней.

Не желаю я быть царицей
В этой дикой земле глухой.
В мир подводный душа стремится.
Быть владычицею морской

Я желаю теперь отныне,
Сердце тянет на глубину.
Пусть волна с берегов отхлынет
И доставит меня ко дну.

Чтоб на дне океана-моря
Мне подводный престол принять.

Чтоб подвластна мне стала вскоре:
Всей воды беспокойной гладь,

Все морские пути, глубины,
Где скрываются жемчуга,
Все подводные тропы, льдины
Те, что бросили берега,

Все русалки, морские гады,
Грани острые у камней
И подводного царства клады,
Тайны брошенных кораблей.

Чтобы рыбка мне службой славной
Свой морской волочила крест
И посылки мои исправно
Доставляла до нужных мест».

* * *

Речь окончена и царица
За собою закрыла дверь.
Стало тихо. Ночная птица
Только стонет в ночи теперь,

Может, камень с души снимает,

Видно, сердце ее болит?
Иль на свечку крылом махнет?
Ту, что зря в темноте горит?

Эта ночь не подарит боле
Ни покоя, ни злых вестей.
Но опять не уйти от боли,
Словно праздник для всех чертей.

Как обидно, напрасно мажут
Мелом изгородь, ночь темна.
Завтра утром допьет он чашу
Эту горькую – всю, до дна.

VIII

Вот и утро, к воде соленой
Старче прежней тропой бредет,
Горькой чаше своей бездонной
Дань последнюю отдает.

Ноги трутся о камень серый,
Где усталая пыль легла.
Что осталось теперь от веры,
Той, что раньше в груди жила?

Вот и море, но, может, снится
Этой бездны безумный вой?
Скалы стонут и нет границы
Между берегом и водой.

Может, тянется ночь морская?
Может, кончилась мать-земля
И качается твердь земная,
Словно палуба корабля?

Пенной злобою изливаясь,
Буря темной воды полна,
И, на камень крутой бросаясь,
Все встает за волной волна.

Стал он в море кричать. Как колос,
Гнется ветром соленых вод.
И не слышит совсем свой голос,
Только ветер сильнее ревет.

Взбеленилась морская сила,
То смеется, то вновь заплачет.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

«Смилуйся, государыня птица,
Тьфу ты, рыбка. Да что со мной?
Мне давно по ночам не спится,
Помутился рассудок мой.

Человеческой силы мало,
Чтобы выдержать этот дар.
Веры прежней как не бывало,
А в груди поселился жар.

Все пылает огнем, и рвется
Жизни прежней привычный строй.
Видно, бог надо мной смеется
И готовит к земле сырой.

Шевельнешься, и станет жарче,
Словно черти на части рвут».
«Чего тебе надобно, старче?» —

Снова волны в ответ ревут.

«Погоди, не суди так строго,
Душу грешную пощади.
Мне теперь лишь одна дорога —
Сумрак видится впереди.

Время с давних времен из сада
Нитью тянет земную дрожь.
И едва ты покинешь стадо,
Потеряешься, пропадешь.

Не гони ты меня, играя,
Пусть работают жернова,
Пыль последнюю дотирая.
Словно птицы теперь слова.

Не надышишься перед бездной.
Все одно мне — что ночь, что день.
И уж кажется бесполезной
Мне последняя к ней ступень.

Я увидел неумолимость,
Словно мертвой воды излом.
Так балует необратимость
С человеческим существом,

Все накопленное с собою
Оставляя на судный час.

Не отмолишь печаль слезою,
Не отнимешь ее от нас.

Каждый шаг тяжелей дается,
Плечи стонут и сердце плачет».
Вновь он слышит, волна смеется:
«Чего ж тебе надобно, старче?»

«Пусть простит меня дно морское
То, что воеет за упокой.
Давит бремя мое земное,
Пригибает к земле сырой.

И не сбросить мне в море ношу,
Чтоб накрыла ее волна.
Иногда мне казалось: сброшу!
Да на сердце висит она.

Не гони, не суди, помилуй!
Ты же видишь, едва дышу.
И теперь перед сном могилы
Я тебя об одном спрошу.

Что же делать с проклятою бабой?
Видно, мало досталось беды.
Хочет быть то ли спрутом, то ль жабой,
То ль владычицей всей воды?

Чтобы жить ей на дне океана,

Дно морское перстнями мутить,
И, чтоб ты ей служила исправно,
Так исправно, как можно служить».

* * *

Не ответила рыбка, только
Яркий хвост унесла с собой.
Как последнюю каплю горькой
Этой чаши его земной.

Ветер стих, присмирел, и вскоре
Охладела к нему волна.
Долго ждал он ответ у моря,
Лишь соленая тишина,

Подступая к воде усталой,
Приглашала ее ко сну.
Света тонкое покрывало
Убаюкивало волну.

Буря кончилась. Меркнет пламень,
Остывает морская кровь.
Уж вода не тревожит камень.
Только пена у берегов,

Словно дрожь на губах, осталась,
Ей вечерний отмерен час.
После бури всегда усталость
Пеленой накрывает нас.

Так уж водится в мире млечном
Между звездами и землей.
День кончался. Мешок заплечный,
Хоть и давит своей сумой,

Но пока еще ноги трутся,
Хоть и тяжется мреть его,
Спины гнутся да не согнутся,
Коль отыщется для чего.

Чаша выпита, хватит горя,
Только ноша клонит к земле.
Не дождавшись ответ у моря,
По проторенной колее

Наш старик, поклонившись низко,
Повернувшись к воде спиной
И ступая на камень склизкий,
Распрощался с морской волной.

Ноги тянут к крыльцу родному.
Чтобы не было тут и там,
Все дороги приводят к дому,
Кроме той, что приводит в храм.

Шаг за шагом нога ступала,
Отдавая печаль ходьбе.
И дорожная пыль считала
Все изгибы в его судьбе.

Молчаливые скалы гордо
Охраняли покой дорог.
И ступая на камень твердый,
Так он шел, не жалея ног.

Уж вечернее солнце где-то
Там запуталось на скале.
Так он шел, только тень от света
Все клонила его к земле.

Вот то место, где жизнь промчалась:
Встреча, радость, потеря, боль.
Где с судьбою судьба венчалась
И, наверно, была любовь.

Все уж в прошлом, но может снится
Или грезится на ветру.
Или снова в руках синица,
Прилетевшая не к добру.

Одиноко стоит избушка
В тихой гавани у воды.
На пороге сидит старушка,

Рядом клумба, на ней – цветы.

Кот играет, дверь открыта,
Свет вечерний скользит в окно.
Перед нею лежит корыто,
Прохудившееся давно.

Эпилог

Время тянется от порога,
Отбивая свой шаг земной.
Как бы долго ни шла дорога,
Будет холм на земле сырой.

Часто ветер сбивает с толку,
Рвет перину из облаков.
И не может вода к истоку
Той же чистой вернуться вновь.

Свет надежды в полночь тлеет,
Боль оттягивая слегка.
Чаша горькая опустеет,
И прижмется к груди рука.

Души грешные тянут сети:
Кому посох, кому – трактир.
Но кончается все на свете,
И на этом вертится мир.

Увидавши свою супругу,
Потерялся совсем старик.
Словно боль принесла по кругу
Прошлой жизни ушедший миг.

Не спасла от хлопот усталость,
Сердце ищет иной беды.
Видно что-то еще осталось
В этой хижине у воды.

Словно в руки летит синица,
Чтобы душу на части рвать.
И решил он зайти проститься
Да рубаху свою забрать.

Все по-прежнему быт привычный
Раны старые тербит.
На окошке горшок цветочный,
И гвоздика на нем горит,

Обжигает, и суетливо
Мысли бегают, тянут вдаль,
И сидит она молчаливо,
Охраняет свою печаль.

Он в глаза заглянуть не смеет.
Уж собрался идти, но вот
Вдруг подумалось: околеет
Без него она, пропадет

Здесь от голода. Соли нету,
Да в кладовой кати шаром.
А идти колесить по свету

Он успеет еще потом.

Пусть отложится эта малость
В долгий ящик большой нужды,
И склонила его усталость
К ветхой хижине у воды.

Веки старые тяжелели,
Пеленой накрывала тень,
И уснул он в своей постели,
Отпуская безумный день.

* * *

Что же дальше? Скажу едва ли.
Не пророк я, избавил бог.
Там, на небе, свои скрижали,
Я поведал лишь то, что смог.

Слышал сплетни, да что в них толку?
Мол, безумный старик чудит:
Рыбу вытащит и подолгу
С ней у берега говорит.

Видно, туго вначале было,
Словно ершиком по нутру,

Но, наверное, боль остыла,
Успокоилась на ветру.

Всякий в тайном безумстве волен
Свой блаженный найти удел.
Я б свихнулся от меньшей доли,
Но у каждого свой предел.

Слышал также, теперь по морю
Водят вместе они баркас,
Радость поровну, как и горе,
И не сводят друг с друга глаз.

Лодку теплой водой качает,
Сети тянутся на двоих.
Рыбок всяких теперь встречают,
Да уж видно – не золотых.

А под вечер, устав от соли,
Коротают остаток дня:
То ли греют избушку, то ли
Тихо нежатся у огня.

Берег медленно остывает,
Тень вечерняя, словно шаль.
И усталое солнце тает,
Погружаясь в морскую даль.

7.02.2021